

Научная статья

УДК 130.2. 141.201

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-37-51

Традиция и рациональность

Николай Николаевич Мисюров

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Омск, Россия

misiurovnn@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Аннотация

Рассматривается проблема соотношения традиции и рациональности в общественном наследии. Содержание традиции объясняется как объективация субъективной по природе «коллективной памяти». Утверждается, что в рамках этой модели общественных отношений и культурной коммуникации осуществляется взаимосвязь объективной действительности и субъекта социализации (как отдельного индивида, так и конкретной социальной общности). Констатируется, что деформация онтологических и когнитивных структур коллективного опыта сказывается на результатах интеллектуальной деятельности человека в современном обществе. Делается вывод, что традиция, на самом деле не тождественная традиционализму и консерватизму, преобразуя определенным образом факты прошлого в «имманентно» воспринимаемые ценности современности, регулирует общественную практику в целом, идеологически (и религиозно) маркирует ментально обусловленные стереотипы общественного поведения индивида.

Ключевые слова

традиция, коллективная память, рациональность, объективная реальность, общественная практика, структуры сознания

Для цитирования

Мисюров Н. Н. Традиция и рациональность // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 1. С. 37–51. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-37-51

Tradition and Rationality

Nikolay N. Misurov

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russian Federation

misiurovnn@omsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9653>

Abstract

© Мисюров Н. Н., 2022

Transmission of social heritage has a problem of correlation between tradition and rationality. The content of the tradition is explained as the objectification of "collective memory", subjective in nature. This model of social relations and cultural communication links the objective reality and the subject of socialization. Ontological and cognitive warps in the structure of collective experience affect the results of intellectual activity in modern society. It is concluded that tradition, not identical to traditionalism and conservatism, transforming the facts of the past into values of modernity, regulates social practice and marks mentally conditioned stereotypes of social behavior of the individual.

Keywords

tradition, collective memory, rationality, reality, public practice, the structure of consciousness

For citation

Misyurov N. N. Tradition and Rationality. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 37–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-1-37-51

Введение

Телеологическая оценка эволюционных процессов, меняющих или же закрепляющих облик и духовное содержание существующего порядка вещей (путем консервации традиционных форм культуры и обустройства социума), фиксирует как их стихийность, так и их предопределенность. Фактически это гегелевский вопрос о «субстанциональной основе» индивидуума и «естественном авторитете» духа народа в различные периоды всемирной истории [Гегель, 1975, с. 381].

В каждую историческую эпоху, даже коренных изменений самих основ жизни все равно сохраняется связь индивидуального и всеобщего в форме неразрывного жизненного «сверхличного единства» (чувства «крови и почвы» в интерпретации немецких романтиков); всякое новое вырастает из старого.

«Порядок мира», по Н. А. Бердяеву, есть все же величина относительная, «порождение отвлеченной мысли», стало быть, продукт рационализма; подтверждение тому – глубокий конфликт с «порядком Божиим» (нельзя не увидеть в этой метафоре обозначение христианской традиции) [Бердяев, 2006]. Однако это суждение принадлежит мыслителю, фактически завершающему историю философской классики. В «неклассической» философской парадигме акценты расставлены, разумеется, иначе: величины и суждения, предполагающие определенную реальность вселенной, устарели, считает «отец кибернетики» Н. Винер, следует признать наличие в вероятностном мире «элемента неполного детерминизма, почти иррациональности» [Винер, 2019, с. 13].

Ключевой вопрос понимания, объяснения и исследования традиции состоит в том, принадлежит ли она – как всякая сложная многоуровневая система – всецело «царству объективности» (воспользуемся известным определением Н. А. Бердяева) или же более соответствует по природе составляющих ее структур и элементов, т. е. архетипов «коллективного бессознательного», уже «царству субъективности»? Основопологающие компоненты традиции – например, религия – в понимании классической философии относятся к «являющей себя субъективности» (согласно Гегелю, «внутренней, неразвитой в себе»), противостоящей «вообще объективности»; это лишь объективность рефлексии, абстрактного мышления, рассудка, понятия [Гегель, 1977, с. 321].

Постановка исследовательской задачи

Насколько сопоставимы традиция и рациональность (абсолютно, казалось бы, противоположная ей по смыслу и содержанию, более того, зачастую противостоящая ей в общественной практике и в интеллектуальной деятельности индивидуума)? При определении равенства или же неравенства сопоставляемых предметов, вещей и феноменов мира было бы методологической ошибкой, так считал еще Аристотель, одно противоположное познавать через другое, ибо в таком случае мы всякий раз будем иметь дело с «каким-то одним сочетанием противоположностей» [Аристотель, 1978, с. 483].

Важнейшей функцией традиции принято считать передачу «общественного наследия» – совокупности основанных на сакральном опыте форм культуры и социальной организации, несомненно, обладающих онтологическим статусом. Однако лишь некоторые из унаследованных обычаев, институтов, ментальных стереотипов становятся традициями; обоснование самой традиции (как некой «матрицы») предполагает суждение об абсолютной ценности передаваемого. Традиция – это вычлененные (зафиксированные в сознании субъекта и маркированные аксиологической рефлексией) в определенных проблемных ситуациях в соответствии с иерархией духовных ценностей культурные явления современности, настоящего или прогнозируемого будущего, в отношении к которым у индивидуума возникает социально значимое допущение, что именно эти идеологические конструкты, общественные установления и мифологизированные концепты происходят из «славного» прошлого.

Недостаточно просто реконструировать традицию в коммуникативном контексте, необходимо понять различные и многообразные факторы, обусловившие ее структуры и обеспечивающие перманентность ее функционирования. Механизмом реализации традиции становятся определенные социальные стереотипы, в основе которых лежат важные для социума «культурные коды», а также определенные идейные и религиозно-этические доминанты, занимающие центральное место в общественном сознании. Существенное значение имеет проблема «готовых условий», в которых приходится действовать субъектам общественной коммуникации, а также выбора средств достижения целей (и высокопарное «усвоение», и элементарное «потребление» одинаковым образом обозначают проявления «модуса обладания» [Фромм, 2010, с. 7]). Наконец, проблема «сущностного» содержания традиции – осознания высших целей, которым подчиняет свою деятельность индивид как член социального или же всякого другого по принципам организации коллектива. Это проблема иерархии ценностей, которые мы фактически навязываем окружающему «действительному» миру в целях его переформатирования уже как идеализированного неразрывного единства «прошлого» и «настоящего».

Проблема традиции имеет как практическое, так и теоретическое значение, поскольку ее проблематикой устанавливаются активные взаимосвязи между современностью (общественным процессом) и историей (общественной практикой). Традиция понимается как метафизический продукт истории, являющийся неотъемлемой частью «живого целого». Опыт социума наряду с действующими институтами и формирующимися в ходе общественного развития структурами включает опыт минувших поколений. «Великая традиция» (так обозначили со-

временники смысловой стержень деструктурированного французской Революцией *ancient regime*) родоначальниками консерватизма рассматривалась в характерной для рационалистической мысли века Просвещения антиномии «**оценка – развитие**» (традиция – история). Направление и сам тон полемики (что продуктивнее: «**традиция**» или «**рациональность**»?) были заданы еще выдающимися умами «века Разума» [Kirk, 2001, p. 19].

Традиция, так или иначе понимаемая, по мнению поборников традиционализма, всегда играла в общественной жизни принципиально важную роль. Настороженное и даже негативное отношение к традиции (как к проблеме и как к социальному феномену) приверженцев либерализма объясняют ошибками рационалистического толкования проблемы. Представители современного традиционализма отказались от «вневременного» толкования традиции. Новая либеральная критика попыталась развить «позитивный» принцип традиции. Это принцип традиции, понимаемый не столько как противоположность истории, а как нечто соотносимое с ней; тем самым устанавливается необходимая корреляция между «прошедшим» (исторической действительностью) и «нынешним» (историческим сознанием). В этой точке пересекаются объективная действительность (как и альтернативная ей новая «реальность», порожденная попытками субъективного воздействия на нее) с общественной практикой. Возникает еще одна идеологически и социально значимая для индивида и общества антиномия: «**данное**» – «**избираемое**».

Существуют бесчисленные связи между отношением к прошлому, обусловленным «жизненной силой», и теоретическими тематическими «способностями представлений» нашего знания о прошлом. Традиция представляет собой в этом смысле всеобъемлющий **методологический принцип**. Всякой социальной динамике сопутствует социальная статика. Однако изменяющемуся социальному миру противостоит вовсе не устойчивая традиция, разъясняя К. Поппер, а неизменный физический мир; основной методологический вопрос, примиряющий защитников и критиков традиции, звучит так: какие уроки на будущее можно извлечь из прошлого? [Поппер, 1992, с. 486].

Кризису научного знания, имевшему место в начале XX века, сопутствовал духовный кризис, охвативший «классическое» общество. Историческим пессимизмом и разочарованием проникнуты труды многих философов, социологов, писавших о разрушении общинных связей, о кризисе культуры, о харизматическом господстве и политическом карьеризме. Отмечалось «опустошение культурных форм» [Зиммель, 1996, с. 118]. Противники позитивизма указывали на то, что человеческое общество коренным образом отличается от окружающей его природы и поэтому должно исследоваться специфическими методами. Какие детерминанты социальных явлений и условия их изменений следует считать самыми важными? Наука имеет границы своего эффективного применения, за которыми должны использоваться либо интуиция, либо «понимание», расшифровка мотивов деятельности индивидов и коллективов, символов, закодированных в культуре. Исследуемые явления необходимо сопоставлять с общезна-

чимыми универсальными ценностями¹. Ценность есть установка данной исторической эпохи, свойственное ей «направление интереса» [Вебер, 2017, с. 49].

Традиция – не вопрос подражания образцам прошлого, это специфическая форма убеждений, особый способ действий [Элиот, 2004, с. 11]. Переоценка ценностей актуализировалась событиями эпохи – Первой мировой войной и чередой революций в Европе, кардинальных изменений в мире. Настоящее, констатировал К. Ясперс, являет собой «катастрофичное обеднение в области духовной жизни, человечности, любви и творческой энергии» [Ясперс, 1994, с. 113]. Культурная традиция выступает в качестве «объективно-истинного» знания; метафизическое ядро связано с иерархией архетипов мифологического мировосприятия, относительно устойчивая трансцендентальная основа – с иерархией высших ценностей (индивидуального и коллективного порядка). Традиционные формы культуры оперируют понятием «мы», в котором растворяется всякое «я»; наделенная свободой творчества личность стремится противопоставить условной «классике» некий «авангард», но индивидуальные модификации в сложных системах на самом деле играют незначительную роль.

Проблему современной культуры (постмодерна) М. Хайдеггер видел в том, что ее «временной континуум» опустошен, нарушена связь с «опытом сакрального» [Хайдеггер, 2008, с. 117]. «Подлинность» наследуемого обусловлена культурной почвой и общественной практикой, иерархичность, целостность, органичность, авторитетность. Это – в идеале, в реальности же ситуация выглядит удручающе. Выступавший с позиций аксиоматического «религиозного опыта» И. А. Ильин предупреждал современников о последствиях одержанной «психологией масс» победы в советской России и повсюду в западном мире [Ильин, 2002, с. 9]. Религия (как один из институтов традиции) предполагает взаимосвязь, «соприкосновение» двух реальностей: «живого субъективного опыта» человека и некоего мистического опыта высшего порядка; отношения между ними диалектически сложные. Послевоенная реальность – холодная война, крушение гуманизма – обострила нравственную, основанную на онтологическом опыте субъекта дилемму: «истинное» противоположно «действительному» [Ильин, 2006, с. 88].

«Общество с сетевой структурой», основанное на новейших информационных технологиях, привело к появлению новых разногласий и противоречий [Prigogine, 2000, p. 18]. Опыт – эпохальный опыт социума, жизненный опыт индивидуума – корректирует способы и сами принципы дискурсивного мышления, характерного для своего времени, а также результаты такой целостной интеллектуальной деятельности человека, т. е. конечные «смыслы» репрезентации общепринятых «значений»; поправки вносятся даже в «абсолютные истины», т. е. особо значимые религиозные и научные постулаты, национальные концепты.

Сущность и социальную значимость традиции концептуально описывают либо в диалектической связке с «новацией», либо в оппозиции «рациональности». Традиционность как базовая характеристика социума, по мнению

¹ При этом говорится о необходимости «ригористической защиты» кардинальных ценностей. См. новое издание известной работы Н. С. Розова [2013].

Х. Арендт, полностью исчерпывает себя в эпоху модерна, поскольку логика индустриального развития требует замены традиции как социального ориентира ориентациями на «общечеловеческую рациональность». Опасность для мировой цивилизации грозит не извне – от природных катаклизмов или «внешнего варварства», а изнутри. Феномен «массы» способствовал зарождению в XX веке тоталитарных движений (позиция западного интеллектуала совпадает с позицией русского консерватора И. А. Ильина). Сказанное в защиту «рациональности» не противоречит осуждению «тирании логичности» [Арендт, 2008, с. 42].

Традиционный и рациональный способы социальной организации, по мнению М. Вебера, составляют два противоположных полюса, между которыми существует напряженность, определяющая направленность социальной динамики. Исследование процессов рационализации, перехода общества от традиционного типа к обществу современному – преобладающая тематика его трудов; в этом ключе исследуются многие другие явления: психологические мотивации, культурные ценности, религиозные верования и структуры общества, определяемые экономическим укладом. Переосмысление труда в «аскетических деноминациях» протестантизма сделало человека намного рациональнее в стремлении достичь благосостояния [Вебер, 1990, с. 199]. Приметой нашего времени

М. Вебер

счи-

тал рационализацию и интеллектуализацию; обогащение научного знания освобождает человека от традиционных «иррациональных директив» [Вебер, 2017, с. 54].

Задачу сегодняшнего дня, при доведенном до крайности нигилизме, К. Ясперс видел в создании нового «стержня стабилизации», что предполагает усвоение **«предания»** [Ясперс, 1994, с. 122]. Неверно, что последующее лучше предшествующего и уничтожает его значение и что оно в качестве ступени дальнейшего прогресса сохраняет лишь исторический интерес; новое как таковое неправильно считается тогда истинным. Какая «болезненная операция» мысли приведет нас к «подлинной истине»? Традиции необходимы, считал К. Поппер: «Мы не смогли бы жить в социальном мире, если бы в нем не было порядка, если бы он не содержал множества регламентаций» [Поппер, 2004, с. 225]. Создание традиций, как и законодательства, выполняет по сути дела ту же функцию внесения порядка и рациональной предсказуемости в сверхструктуру социального мира.

Сущность человека характеризуется в контексте его трансцендентальной чувственности и духовности, или в более широком плане – как творца культуры и как ее главнейшее творение. Сами конкретные формы культуры трактуются как «стили жизни», которые могут быть объяснены основополагающими структурами человеческого бытия. Человек как «деятельное существо» по мере своих возможностей противостоит окружающей его среде и конституирует непосредственно из «наличной» действительности собственные субъективные «миры». С самого начала его осмысленного существования в качестве мыслящей ничтожно малой крупинки «мировой материи» (романтическая *«монада»* в этом смысле является более приличествующим высокому назначению человека «титолованием») он оказывается в определенной жизненной ситуации, когда его принципы, сомнения и выборы, планы и поступки определяются соответствующими

щим «горизонтом эмоционального мировосприятия». Формирующей активности человека при этом всегда заранее дан в качестве наследства «нетленного» уже в известной степени оформленный материал; культурной деятельности одних людей всегда предшествуют действия других. Взаимосвязь объективной действительности

и субъективной деятельности осуществляется именно в рамках традиции [Леви-Стросс, 2001, с. 30]. Традиция – не пассивное восприятие наследия прошлого, а сознательный выбор нужных элементов этого наследия.

Сделаем два необходимых уточнения методологического характера. Во-первых, «объектное» понимание традиции предполагает структуризацию и «категоризацию» транслируемых духовных и материальных ценностей, зафиксированное в общественной практике культурное наследие в определенной мере абсолютизируется. Во-вторых, в развитых обществах культурное наследие утрачивает свою изначальную структурную «одномерность», опосредованность самой передачи наследуемого создает необходимость его постоянной интерпретации [Шацкий, 1990, с. 284, 293]. Традиция – понятие чрезвычайно широкое, почти совпадающее (в понятийном плане) с понятием обобщенно описываемой культуры;

в научных спорах о ценности культурного наследия крайние взгляды относятся обычно не к «традиции вообще», а к той или иной части общественного наследия, которая по тем или иным причинам специально выделена интерпретаторами в «ценностном измерении».

Дуализм традиции проявляется в том, что, с одной стороны, процесс исторических изменений в общественной и духовной жизни человечества подчиняется определенным законам универсального порядка, с другой стороны, каждое человеческое сообщество делает определенный выбор в «диапазоне возможностей». Эти осознанные выборы могут быть несопоставимы между собой, но по значимости своей и по «историческому наполнению» равноценны друг другу. Сами структуры, определяющие различные типы цивилизации в зависимости от их качественной природы, несоизмеримы между собой. Мы не можем корректно оценить в «общих величинах» статический или же динамический характер общества, существенно отличающегося или же, напротив, весьма похожего на любое другое, более нам известное и понятное, наиболее нами изученное. Усложнение социальной системы ведет к усилению неустойчивости; в результате культурной революции и сопровождавшего его демографического взрыва культура приближается к некой критической точке; такое состояние обычно предшествует «переориентации» культуры.

Проблема передачи общественного (культурного) наследия усугубляется внутренним расслоением общества. Индивид, принадлежащий к структурированному неоднородному социуму, может входить в самые различные коллективы (профессиональные, конфессиональные и прочие). «Коллективная память» сохраняется исключительно в социальных границах; человек сохраняет верность тем или иным традициям, использует и заново постоянно реконструирует «прошлое» как член определенной группы.

Структура общественного сознания в различных его формах обусловлена целостной структурой социально-культурной реальности. Человеческое сознание

становится доступным самому себе через «самоосуществление» в продуктах материальной и духовной культуры. Кантианская постановка проблемы фокусирует наше внимание на соотношении эмпирического и теоретического сознаний, однако гораздо важнее основа (коммуникативное поле культурной традиции), на которой происходит это совмещение двух «ментальных актов». Поскольку язык является первоосновой культуры (как уникальный способ аккумуляции и трансляции культурных смыслов), то зафиксированная в языке система онтологических и когнитивных конструкторов традиции может рассматриваться проекцией ментальных моделей мировосприятия.

Однако не в «инструментарии» традиции заключается определенное затруднение: в социальных системах, утративших связь с традицией и лишившихся определенных институтов, обеспечивавших устойчивость, роль «внешнего наблюдателя» не тождественна роли «организатора». Мысленное определение связей, «преодоление хаоса» возможно в формах традиционного мышления. Наша цивилизация, полагал Ф. Хайек, сложилась «сама собой», несмотря на все попытки «разумного» управления обществом; сейчас мы находимся в стадии разрушения нашего мира [Хайек, 2003, с. 196]. Иначе говоря, действовать, преобразовывать мир, мы должны с осторожностью ².

Действие есть атрибут изменяющегося мира, отражает его «становление». Знание позволяет выйти за рамки ограниченности этого мира; становясь знанием чисто метафизическим, оно само становится неизменным. Всякое подлинное знание состоит в отождествлении с объектом этого знания. Это решающее обстоятельство упускают из виду критики «великой Традиции» (для Р. Генона написание объясняемого понятия с заглавной буквы принципиально): они не признают ничего кроме чисто рассудочного, дискурсивного знания, которое, будучи лишь «отраженным знанием», с необходимостью является несовершенным. Одной из самых «подозрительных особенностей» современного мира является потребность в нескончаемой деятельности, в бесконечных изменениях; этот процесс следовало бы назвать «количественным рассеянием во множественности» [Генон, 2008, с. 24]. Общественная практика уже не объединена осознанием высших ценностей из не подлежащего никакой субъективной критике «священного» комплекса традиции.

У традиции есть свои защитники и свои враги. Сталкиваясь с идеями «равенства» и «прогресса» или с другими подобными современными догмами, большинство из которых оформились в XVIII веке, мы не можем допустить, что они появились будто бы спонтанно. Эти идеи никогда не смогли бы серьезно повлиять на традиционное общество, если бы оно само не было готово к их восприятию. Однако именно эти идеи способствовали утверждению «критического» (по отношению к традиции) мировоззрения. В их продвижении в массы прямо заинтересованы некие лица, стремящиеся сохранить современное «извращенное состояние цивилизации» (конспирология – конек Р. Генона); они противостоят коллективному человеческому мышлению, одухотворенному «великой Традицией». Этим и объясняется упадок традиции.

² Об аксиологии «механизмов модернизации» см. специально: [Розов, 2016].

Выводы

Итак, достаточно широко понимаемая и весьма противоречиво оцениваемая традиция есть необходимое условие жизнедеятельности сложных социальных систем. Осуществляя осознанный выбор тех или иных элементов традиции, общество тем самым придает легитимность принципиальным основам своего существования (представляющих собой диалектическое единство «иррационального» и «рационального») и обозначает перспективы дальнейшего своего развития, выбирает не только будущее, но и свое актуализированное прошлое. Координация взаимоотношений «данного» и «избираемого» в этом комплексе общественного наследия осуществляется посредством установления пространственной вневременной связи между идеализируемым «прошлым» и рационально воспринимаемым «настоящим». Жизнеспособность традиции определяется возможностями её последующей смысловой интерпретации уже в иных исторических обстоятельствах.

Динамика культурной традиции – постоянный процесс преодоления одних видов «социально организованных стереотипов» и образования новых [Маркарян, 2010, с. 17]. Социальный стереотип является неосознанным механизмом реализации традиции. Однако было неверным интерпретировать этот и другие регуляторы традиции как проявление неких имманентных сил (поскольку речь идет о «сакральном» опыте предков), иррациональность их преувеличена. «Рациональные стандарты и обосновывающие их аргументы» являются обязательными элементами традиций [Фейерабенд, 1986, с. 302].

Заключение

Современное общество характеризуется ускорением изменений в социальной организации, в области научного знания, в доступе к необходимой информации и способах ее получения, в сфере культуры и формах «потребления» массовой культуры. Новое время с его успехами наук и популяризацией знания в широких массах, когда в общественном сознании восторжествовала философская доктрина рационализма, выглядит лишь «фрагментом» масштабной картины человеческой истории. Традиция господствовала на протяжении веков, «рациональность» (в особенности «неклассическая») является продуктом современной эпохи³.

Таким образом, вовлеченная в круг ценностей определенного рода традиция становится объектом интенсивной интеллектуальной пропаганды, выходящей за рамки конституирующего ее акта признания. Интеллектуализация традиции может идти разными путями [Гуссерль, 2005, с. 67]. Само по себе «возвращение» традиции требует какого-то обоснования. Размежевание «традиции» и «традиционализма», вопрос о соотношении традиционализма и консерватизма, множественность описываемых «традиций», необходимость преодолеть размывание самого предмета анализа и статуса понятия требует определенной дисциплины исследовательской мысли. Дискуссии на эту тему многое прояснили, многие спорные вопросы остались нерешенными. Полемически некогда оформленный

³ См. новое издание известной работы М. Мамардашвили [2004].

вопрос противопоставления «традиции» и «рациональности» остается в центре продолжающихся дискуссий⁴ о природе, факторах и структурах Традиции.

Список литературы

- Арендт Х.** Скрытая традиция: Эссе. М.: Текст, 2008. 221 с.
- Аристотель.** Сочинения. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
- Бердяев Н. А.** Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Мир книги, 2006. 416 с.
- Вебер М.** Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Вебер М.** Хозяйство и общество. М.: Высш. шк. экономики, 2017. 432 с.
- Винер Н.** Кибернетика и общество. М.: АСТ, 2019. 288 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Философия религии. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 532 с.; 1977. Т. 2. 573 с.
- Генон Р.** Кризис современного мира. М.: ЭКСМО, 2008. 784 с.
- Гуссерль Э.** Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 443 с.
- Зиммель Г.** Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 1: Философия культуры. 671 с.
- Ильин И. А.** Аксиомы религиозного опыта. М.: Русс. книга, 2002–2003. Т. 1. 605 с.
- Ильин И. А.** Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 годов. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихоновского гуманит. ун-та, 2006. 576 с.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
- Мамардашвили М. К.** Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. 240 с.
- Маркарян Э. С.** О значении разработки основ общей культурологической теории для формирования идеологии самосохранения человечества // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества. СПб.: Изд-во «СПбКО», 2010. С. 17–24.
- Полонская И. Н.** Традиция: от сакральных оснований к современности. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 269 с.
- Поппер К.** Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 1. 448 с.
- Поппер К. Р.** Предположения и опровержения: рост научного знания. М.: АСТ Ермак, 2004. 638 с.
- Рациональность и её границы: Материалы Междунар. науч. конф. в рамках заседания Междунар. ин-та философии (Москва, 15–18 сент. 2011 г.) / Отв. ред. А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М.: Ин-т философии РАН, 2012. 223 с.
- Розов Н. С.** Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. М.: Директ-Медиа, 2013. 292 с.
- Розов Н. С.** Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 340 с.

⁴ См. специально некоторые из новейших публикаций: [Швырев, 2003; Полонская, 2006; Труфанов, 2013], а также материалы круглого стола с участием философов, ведущих специалистов в других областях знания: [Рациональность и ее границы, 2012].

- Труфанов Д. О.** Рациональность как фундаментальная характеристика социальных систем. М.: Инфра-М; Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2018. 122 с.
- Фейерабенд П.** Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
- Хайек Ф.** Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003. 220 с.
- Шацкий Е.** Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
- Швырев В. С.** Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
- Фромм Э.** Психоанализ и религия. М.: АСТ, 2010. 153 с.
- Элиот Т. С.** Избранное: Религия, культура, литература. М.: РОССПЭН, 2004. 752 с.
- Ясперс К.** Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 528 с.
- Kirk R.** *Conservative Mind: From Burke to Eliot*. Washington, Regnery Publ., 2001, 128 p.
- Prigogine I.** *The Die is Not Cast. Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17–19.

References

- Arendt H.** *Skrytaya traditsiya: Esse [Hidden Tradition: Essay]*. Moscow, Tekst, 2008, 221 p. (in Russ.)
- Aristotle.** *Compositions*. Moscow, Mysl', 1978, vol. 2, 687 p. (in Russ.)
- Berdyaev N. A.** *Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii) [Self-knowledge (Experience of philosophical Autobiography)]*. Moscow, Mir knigi, 2006, 416 p. (in Russ.)
- Eliot T.** *Izbrannoe: Religija, kul'tura, literature [Favoriten: Religion, Kultur, Literatur]*. Moscow, ROSSPEN, 2004, 752 p. (in Russ.)
- Feyerabend P.** *Izbrannye trudy po metodologii nauki [Selected Works on the Methodology of Science]*. Moscow, Progress, 1986, 542 p. (in Russ.)
- Fromm E.** *Psikhoanaliz i religija [Psychoanalysis and Religion]*. Moscow, AST, 2010, 153 p. (in Russ.)
- Guenon R.** *Krizis sovremennogo mira [Crisis of the modern World]*. Moscow, EKS-MO, 2008, 784 p. (in Russ.)
- Gusejnov A. A., Lektorsky V. A.** (ed.). *Racional'nost' i ejo granicy [Rationality and Its Boundaries]*. Materials of international science Conference at the International Institute of Philosophy, Moscow, 15–18 Sept. 2011. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2012, 223 p. (in Russ.)
- Hayek F.** *Kontrevoljutsija nauki. Jetjudy o zloupotreblenijah razumom [Counterrevolution of Science. Studies about the Abuse of the Mind]*. Moscow, OGI, 2003, 220 p. (in Russ.)
- Hegel G. W. F.** *Filosofija religii [The Philosophy of Religion]*. Moscow, Mysl', 1975, vol. 1, 532 p.; 1977, vol. 2, 573 p. (in Russ.)
- Husserl E.** *Selected Works*. Moscow, Territorija budushhego, 2005, 443 p. (in Russ.)
- Ilin I. A.** *Spravedlivost' ili ravenstvo? Publicistika 1918–1947 godov [Justice or Equality? Journalism 1918–1947]*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-

- Tikho-novskogo humanitarnogo universiteta, 2006, 576 p. (in Russ.)
- Ilin I. A.** Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious Experience]. Moscow, Russkaja kniga, 2002–2003, vol. 1, 605 p. (in Russ.)
- Jaspers K.** Smysl i naznachenie istorii [The Meaning and Purpose of History]. Moscow, Respublika, 1994, 528 p. (in Russ.)
- Kirk R.** Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington, Regnery Publ., 2001, 128 p.
- Levi-Strauss C.** Strukturnaja antropologija [Structural Anthropology]. Moscow, Eksmo-Press, 2001, 512 p. (in Russ.)
- Mamardashvili M. K.** Klassicheskij i neklassicheskij idealy racional'nosti [Classical and non-classical Ideals of Rationality]. Moscow, Logos, 2004, 240 p. (in Russ.)
- Markarjan J. S.** Oznachenii razrabotki osnov obshhej kul'turologicheskoi teorii dlja formirovanija ideologii samosohranenija chelovechestva [On the importance of Developing the Foundations of a common cultural Theory for the Formation of the Ideology of self-preservation of Mankind]. In: Kul'turologija iglobal'nye vyzovy sovremennosti: k razrabotke gumanisticheskoi ideologii samosohranenija chelovechestva [Culture and global Challenges of our Time: to Develop a humanistic Ideology of self-preservation of Mankind]. St. Petersburg, SPbKO Publ., 2010, pp. 17–24. (in Russ.)
- Polonskaya I. N.** Tradicija: ot sakral'nyh osnovanij k sovremennosti [Tradition: from sacred Grounds to Modernity]. Rostov on Don, Rostov Uni. Press, 2006, 269 p. (in Russ.)
- Popper K.** Otkrytoe obshhestvo i ego vragi [Open Society and Its Enemies]. Moscow, Kul'turnaja initsiativa, 1992, vol. 1, 448 p. (in Russ.)
- Popper K. P.** Predpolozhenija i oproverzhenija: rost nauchnogo znanija [Suggestions and Rebuttals: The Growth of scientific Knowledge]. Moscow, ACT Ermak, 2004, 638 p. (in Russ.)
- Prigogine I.** The Die is Not Cast. *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17–19.
- Rozov N. S.** Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosociologija filosofii, nauki i obrazovanija [Ideas and Intellectuals in the Flow of History: Macrosociology of Philosophy, Science and Education]. Novosibirsk, Manuskript, 2016, 340 p. (in Russ.)
- Rozov N. S.** Tsennosti v problemnom mire: filosofskie osnovanija i social'nye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii [Values in a troubled World: philosophical Foundations and social Applications of constructive Axiology]. Moscow, Direkt-Media, 2013, 292 p. (in Russ.)
- Shatsky E.** Utopija i tradicija [Utopia and Tradition]. Moscow, Progress, 1990, 456 p. (in Russ.)
- Shvyrev V. S.** Racional'nost' kak cennost' kul'tury. Tradicija i sovremennost' [Rationality as a Value of Culture. Tradition and Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2003, 176 p. (in Russ.)
- Simmel G.** Favoriten. Moscow, Jurist, 1996, vol. 1: Filosofija kul'tury, 671 p. (in Russ.)

- Trufanov D. O.** Racional'nost' kak fundamental'naja harakteristika social'nyh system [Rationality as a fundamental Characteristic of social Systems]. Moscow, Infra-M; Krasnoyarsk, Siberian Federal Uni. Press, 2018, 122 p. (in Russ.)
- Weber M.** Khozjajstvo i obshchestvo [Economy and Society]. Moscow, HSE Press, 2017, 432 p. (in Russ.)
- Weber M.** Selected Works. Moscow, Progress, 1990, 808 p. (in Russ.)
- Wiener N.** Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and Society]. Moscow, ACT, 2019, 288 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Николай Николаевич Мисюров, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Information about the Author

Nikolay N. Misyurov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor, Department of Journalism and Media Linguistics, Dostoevsky Omsk State University

*Статья поступила в редколлегию 08.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 10.03.2022
The article was submitted 08.02.2022;
approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 10.03.2022*